

ПРАКТИЧЕСКІЙ НИГИЛИЗМЪ

Въ водворотъ, романъ въ трехъ частяхъ, А. Писемскаго. Москва 1872.

Подкотъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, А. Писемскаго. (*Гражданинъ*. 1873.)

Ваалъ, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, А. Писемскаго. (*Русскій Вѣстникъ*. 1873.)

Художественная литература наша постоянно почерпала свое содержаніе въ наблюденіяхъ надъ общественною жизнью. Въ противоположность французскому роману, доктринерствующему надъ жизнью и ищущему въ ея явленіяхъ необыкновенныхъ положеній и искаженныхъ характеровъ, русскій романъ еще со временъ Пушкина постоянно стремился войти въ самую тѣсную связь съ ежедневною дѣйствительностью; творчество русскихъ художниковъ весьма въ слабой степени прибѣгаетъ къ содѣйствію воображенія, и обыкновенно литається анализомъ и наблюдательностью, предметомъ которыхъ всего чаще служатъ черты и явленія заурядной будничной жизни. Въмѣсто того чтобъ увлечь фантазію читателя богатствомъ вымысла, сложностью романической интриги, цѣльностью героическихъ характеровъ и яркостью драматическихъ положеній, талантливые русскіе писатели ставили себѣ задачей заинтересовать вниманіе читателя неподкрашеннымъ воспроизведеніемъ ежедневной

дѣйствительности, тонкостью психологическаго анализа, обращеннаго на характеры по большей части заурядные, мягкостью красокъ, въ которыхъ постоянно преобладаетъ сѣроватый тонъ будничной жизни.

Общепринятое въ печати и въ обществѣ мнѣніе обыкновенно навязываетъ нашему роману англійское происхожденіе. Это не совсѣмъ справедливо, хотя родство нашей художественной литературы съ англійскою не подлежитъ никакому сомнѣнію, и вліяніе Вальтеръ-Скотта, Диккенса и Таккера на нашихъ писателей вполне очевидно. Но это явленіе никогда не управляло судьбами нашей литературы и никогда не было источникомъ вдохновенія нашихъ писателей, что неизбѣжно случилось бы при подражательномъ характерѣ литературы. Наши романисты не заимствовали у англійскихъ своихъ критическихъ и художественныхъ понятій, и только сошлись съ ними въ воззрѣніяхъ на задачи. Задачи эти были признаны и указаны у насъ вполне самостоятельно еще Пушкинымъ. Творецъ *Евгенія Онегина* и *Капитанской дочки* самъ заблуждался до известной степени полагая что онъ подражаетъ то Байрону, то Вальтеръ-Скотту; въ сущности, онъ творилъ совершенно самостоятельно, заимствуя вдохновеніе изъ тонкой художественной наблюдательности, обращенной исключительно на русскую жизнь, русскіе характеры и русскую общественность. Сближеніе произошло лишь въ общихъ понятіяхъ объ искусствѣ и его пріемахъ — сближеніе которое можно найти между художниками всѣхъ временъ и народовъ стоящими на одномъ и томъ же уровнѣ художественнаго пониманія. Сходясь съ англійскими романистами въ воззрѣніяхъ на литературныя задачи, наши писатели тѣмъ не менѣе шли по слѣдамъ Пушкина, и трудились надъ разработкой нашей собственной, чисто - русской общественности. Они задаются разработкой такихъ явленій мимо которыхъ равнодушно проходитъ человекъ не одаренный тонко-развитымъ пониманіемъ жизни и души человѣческой, но въ которыхъ художникъ силою своего таланта провидитъ цѣлый міръ страстей, горя и радостей, великодушія и низости, драматической борьбы съ силою вещей или трагической безвыходности подъ гнетомъ исторически сложившихся условій. Не пытаюсь дѣйствовать на массы блестящими парадоксами соціальныхъ ученій или яркими красками сказочной, искусственно-драматизованной жиз-

ни, русскіе писатели предпочитаютъ имѣть дѣло съ болѣе развитымъ кругомъ читателей и воспитательно дѣйствовать на общество художественною правдой изображеній. Согласно воззрѣніямъ перешедшимъ у насъ въ традицію, отъ беллетристики мы требуемъ прежде всего строгой жизненной правды, природы, требуемъ чтобы писатель не выходилъ изъ сферы непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью, не подгибалъ бы ее подъ социальную доктрину, не олицетворялъ бы въ образахъ отвлеченной идеи, но въ самыхъ условіяхъ жизни, наблюдаемой художественно, искалъ бы естественной постановки общественныхъ вопросовъ. Наши писатели не стремятся, подобно Жоржъ-Санду или Гюго, разрѣшать социальныя проблемы; они только изучаютъ эти проблемы параллельно съ тѣмъ какъ создаетъ ихъ сама жизнь, и потому-то видимъ мы что въ большинствѣ русскихъ романовъ, не чуждыхъ тенденціозности, общественный вопросъ обыкновенно только *ставится*, и почти никогда не *разрѣшается*. Еслибы сама жизнь была скорѣе на разрѣшеніе возникающихъ въ ней вопросовъ, эти вопросы сходили бы съ очереди вслѣдъ за ихъ постановкой; но жизнь слишкомъ медленно вырабатываетъ свои рѣшенія, а предупреждать ее въ этомъ органическомъ процессѣ значитъ придумывать, дѣлать жизнь. Такое придумываніе, дѣланье жизни всегда было чуждо преданіямъ и направленію русской литературы, постоянно преслѣдовавшей близость къ дѣйствительности и гораздо болѣе цѣнившей непосредственный талантъ въ изображеніи того что есть чѣмъ самая блестящія заключенія о томъ что можетъ и какъ должно быть. Отступленія отъ этихъ традиціонныхъ началъ русской беллетристики, представлявшія попытки къ доктринерскому построенію жизни и общественныхъ идеаловъ (въ родѣ пресловутаго въ свое время романа *Что дѣлать*), всегда были случайными явленіями въ русской литературѣ и бывали обязаны своимъ успѣхомъ постороннимъ и преходящимъ обстоятельствамъ.

Наша литература не богата положительными типами. Наши романисты не создаютъ героическихъ характеровъ какими богата европейская литература. Они ищутъ положительныхъ типовъ въ средѣ скромной и низменной, относясь большею частью отрицательно къ верхушкамъ жизни, къ ея блестящимъ представителямъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе историческихъ и общественныхъ причинъ

создавшихъ у насъ отрицательное отношеніе къ той жизни которую живутъ наши образованные классы. Довольно замѣтить что идеалъ добра и правды присущій нашимъ художникамъ и безъ котораго не можетъ обойтись ни одна литература, присутствуетъ въ ихъ произведеніяхъ какъ незримое отвлеченіе, какъ идея около которой группируется отрицательно наблюдаемая жизнь. У насъ не мало произведеній дѣйствительнымъ героемъ которыхъ является именно эта отвлеченная идея добра и правды, не одицетворенная въ живомъ образѣ... Таково именно свойство большей части русскихъ художественныхъ талантовъ что они восходятъ къ идеалу путемъ отрицанія, понимая драматизмъ жизни именно въ этомъ сопоставленіи дѣйствительности съ отсутствующимъ идеаломъ, стоящимъ внѣ сцены дѣйствія.

Въ такомъ отрицательномъ отношеніи къ большинству русскихъ типовъ и къ большей части явленій русской жизни быть-можетъ лежитъ причина той тонкой, умной наблюдательности которою такъ обильно проникнуты талантливыя произведенія русской беллетристики. Жизнь наблюдаемая умнымъ человекомъ съ отрицательной точки зрѣнія должна представлять обильный матеріалъ для общественной сатиры и психологическаго анализа; художественное впечатлѣніе производимое творческимъ воссозданіемъ характеровъ и положеній усиливается тою здоровою лицей какою доставляетъ уму наблюдательность автора-сатирика, подмѣчающая въ людяхъ и явленіяхъ всякое уклоненіе отъ нормы указанной здравымъ смысломъ и чувствомъ правды и добра. Въ большинствѣ случаевъ, произведенія нашей художественной литературы заключаютъ въ себѣ весьма много

Ума холодныхъ наблюденій

И сердца горестныхъ замѣтъ —

и въ этомъ конечно состоитъ тайна ихъ воспитательнаго вліянія на общество, постоянно черпающаго изъ литературы значительную часть своего самопознанія.

Со временъ *Евгенія Онегина*, русскій романъ постоянно стремился отразить въ себѣ внутреннюю жизнь нашего общества, со всѣми волнующими его нравственными интересами. Вопреки распространенному въ современной печати мнѣнію будто художественная литература наша, занятая исключительно безлечальными жертвоприношеніями

Аполлону, оставалась постоянно чуждою этимъ нравственнымъ интересамъ, ближайшее знакомство съ литературою послѣдняго двадцатипятилѣтія должно показать что нашъ романъ, при строго-художественной формѣ, всегда весьма близко подходитъ къ общественнымъ задачамъ времени и можетъ быть названъ *общественнымъ* романомъ по преимуществу. Соціальныя задачи возникавшія изъ нашего общественнаго положенія постоянно служили темою романамъ и повѣстямъ гг. Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго. Общественныя темы разработанныя въ *Обыкновенной Исторіи*, въ *Дворянскомъ Гильдѣ*, въ *Тысячѣ Душъ*, были конечно ближе къ нашей дѣйствительности и сильнѣе дѣйствовали на общество въ воспитательномъ смыслѣ, чѣмъ теоретическія и часто безсодержательныя варіаціи на современныя темы въ тогдашнемъ журнализмѣ.

Художественныя произведенія являющіяся въ послѣднее время свидѣтельствуютъ что беллетристика наша далеко еще не исчерпала своего общественнаго содержанія. Наблюденія надъ образованнымъ обществомъ, анализъ его движеній и стремленій, оцѣнка его нравственныхъ интересовъ, составляютъ тему наиболѣе замѣчательныхъ и талантливыхъ литературныхъ явленій послѣдняго времени. Между прочимъ, этой благодарной задачѣ обязаны своимъ содержаніемъ новѣйшія произведенія г. Писемскаго, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью.

Талантъ г. Писемскаго давно уже направленъ на изученіе русскаго общества въ его современномъ положеніи; нѣсколько фазисовъ этого положенія уже отразились въ его романахъ съ замѣчательною яркостью изображенія и тонкою наблюдательностью умнаго художника-сатирика. Въ *Тысячѣ Душъ* Россія увидѣла полную и тщательную картину своей жизни наканунѣ великихъ преобразованій къ которымъ она готовилась. Внутренній смыслъ этой жизни былъ раскрытъ авторомъ съ силою таланта поразившею не только нашу, но и европейскую публику, когда она ознакомилась съ этимъ произведеніемъ по нѣмецкому переводу. Затѣмъ во *Взбаломученномъ Морѣ* г. Писемскій представилъ намъ оборотную сторону движенія охватившаго Россію въ періодъ реформъ—внезапное пониженіе общественнаго уровня, упадокъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, необузданное господство фразы, деспотизмъ лжи, прикрываю-

щейся тѣмъ мишурнымъ декорумомъ который въ современной quasi-прогрессивной печати принято называть „освободительными идеями“. Все это круло и ярко отразилось въ романѣ г. Писемскаго, образовавъ дѣйствительно картину какого-то взбодомутившагося общественнаго океана, въ которомъ вся нечистота, поднятая волненіемъ съ глубокаго дна, всплыла на поверхность и замутила прежде тихія воды. Картина вышла безотрадная и отчасти односторонняя; авторъ далъ полную волю своему сатирическому направленію, которое въ этомъ произведеніи рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми прочими сторонами художественнаго творчества. Но г. Писемскій и не обманывалъ себя насчетъ нѣкоторой односторонности данныхъ имъ изображеній; заканчивая свой романъ, онъ прощался съ читателемъ такими словами: „Пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась *вся* Россія, за то тщательно собрана *вся ея ложь*.“ „Не мы виноваты, говоритъ онъ ранѣе, что въ быту нашемъ много грубаго и чувственнаго; что такъ-называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать или дѣлать вздоръ; что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ, *здоровому смыслу*, она кидается на первый фосфорическій свѣтъ, гдѣ бы и откуда бы ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣрить что въ немъ вся сила и спасеніе!“

Отнесясь съ этимъ строгимъ приговоромъ къ общественному движенію шестидесятыхъ годовъ,—приговоромъ оскорбившимъ такъ много самолюбія и возбудившимъ такъ много ненависти и желчи,—г. Писемскій какъ бы утратилъ вкусъ къ наблюденіямъ надъ современнымъ обществомъ, и въ слѣдующемъ своемъ романѣ: *Люди сороковыхъ годовъ* обратился къ предыдущей эпохѣ. Въ публнкѣ, привыкшей находить въ беллетристикѣ отзывъ къ страстей и интересовъ *довольствующихъ* *дней*, эта талантливая эпопея отошедшаго въ исторію періода не произвела большого впечатлѣнія: читатели сожалѣли что авторъ обнаружившій такъ много ума и наблюдательности въ пониманіи интересовъ текущей минуты какъ бы отворачивается отъ лывущей на него жизни и становится въ сторонѣ отъ совершающагося предъ его глазами общественнаго движенія. Но удивленіе г. Писем-

скаго продолжалось не долго: вслѣдъ за *Людьми сороковыхъ годовъ* онъ печатаетъ новый романъ, *Въ Водоворотъ*, въ которомъ снова выступаетъ въ роли наблюдателя современной жизни, и въ которомъ ярко отраженъ послѣдній фазисъ нашего общественнаго положенія.

Этотъ новый фазисъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ только дальнѣйшее развитіе того движенія которое дало содержаніе *Взбаломученному Морю*. Волненіе стихло, поднятая изъ нечистой глубины грязь нѣсколько осѣла на дно, но быстрота и беспорядочность недавняго теченія образовала водоворотъ, въ которомъ сплываются, кружатся и тонуть выброшенные на поверхность осадки взбаломученнаго моря. Въ сущности, оба романа изображаютъ, одинаково отрицательно, одно и то же явленіе, за которымъ усвоено наименованіе *нигилизма*; но разница въ обѣихъ картинахъ, раздѣленныхъ восьмилѣтнимъ промежуткомъ времени, весьма ощутительна, и самое явленіе представляется въ совершенно иномъ періодѣ развитія.

Нѣтъ сомнѣнія что нигилизмъ, какъ бы глубоко ни искали мы его корни въ русской жизни, вышелъ изъ литературныхъ кружковъ и изъ тѣхъ слоевъ нашего общества которые наиболѣе близки къ журнальнымъ движеніямъ. Общество весьма пассивно и лишь въ самой незначительной степени принимало участіе въ разработкѣ нигилистической доктрины; его роль была по преимуществу роль воспринимающая, между тѣмъ какъ лабораторія доктрины устроилась въ томъ подвижномъ наслоеніи литературнаго пролетаріата и полуобразованнаго мѣщанства которое никогда не имѣло живой связи съ болѣе глубокими общественными слоями. Въ первую эпоху нигилизма, существовали такъ-сказать спеціалисты нигилистическаго дѣла, не имѣвшіе никакой другой задачи и иного занятія кромѣ разработки и проведенія въ собственную жизнь нигилистической доктрины. Образовался цѣлый классъ людей для которыхъ нигилизмъ получилъ значеніе профессіи. Они писали для журналовъ статьи исполненныя „отрицанія“ и „освободительныхъ идей“, устраивали фаланстеры и коммуны, вступали въ сношенія съ эмиграціей и сами пополняли ряды ея, заключали „гражданскіе браки“, и все это не ради чего другаго какъ во имя и во славу нигилизма. Если они имѣли при этомъ какія-либо житейскія, практическія профессіи, если они учились или учили

„Вѣкъ безъ идеаловъ“, таковъ приговоръ нашему времени. Но въ этомъ отсутствіи идеаловъ прежде всего виновата конечно литература. Напрасно г. Пылинъ сѣтуетъ будто „быстрое об'единіе литературы въ общественно-критическомъ направленіи показываетъ какъ мало въ самомъ обществѣ тѣхъ живыхъ интересовъ сила и слабость которыхъ всегда отражается въ литературѣ“. Говорить такимъ образомъ значитъ заставить литературу и общество помѣняться мѣстами, поставить послѣднее впереди первой. Общество вездѣ и во всѣ времена заимствовало свои идеалы изъ литературы; плохо если оно начинаетъ вырабатывать ихъ само изъ себя, изъ своего средняго уровня. Разработка практическихъ вопросовъ жизни никогда не уйдетъ отъ насъ, но для того чтобы въ самомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ чувствовалась гуманная, животворящая идея, необходимо имѣть впереди себя извѣстные идеалы, творимые свободнымъ философскимъ духомъ. Вѣкъ безъ идеаловъ, вѣкъ безъ будущности, безъ имени, какое-то тусклое пятно въ исторіи.